

ДЛЯ ПАМЯТИ И ПИШУ»

Восхищался обширными познаниями Джеффри в области русской истории и литературы. И этим как бы укорял и себя, и меня: а мы-то с тобой, исконные русаки, всегда ли на высоте? Соглашаясь с ним — действительно не всегда, — мне все-таки почему-то хотелось протестовать, возражать. Но что я мог возразить, ведь я-то не знал Джеффри. И вряд ли судьбе угодно свести нас...

Но судьбе на сей раз было угодно. Мы встретились в прошлом году в Москве, в редакции журнала «Наш современник». Худощавый черноволосый мужчина в коричневом вельветовом костюме — по возрасту где-то под пятьдесят, лицо оправлено в аккуратную бороду, усы коротко, в меру, подстрижены, темно-карие лукавые глаза — представился:

— Джеффри Хоскинг. Старший преподаватель русской истории Эссекского университета.

Я, естественно, не сразу догадался, что он тот самый Джеффри. По-русски Хоскинг говорил почти без акцента. Лишь построение предложений выдавало в нем иностранца.

Он объяснил, что интересуется творчеством Василия Ивановича Белова и Василия Макаровича Шукшина. Был составителем сборника рассказов Шукшина, который вышел в 1979 году в американском издательстве «Ардис». И даже перевел для того сборника пять рассказов замечательного русского писателя, среди них — «Верую», «Жена мужа в Париж провожала», «Залетный» Самая полная на Западе библиография публикаций Шукшина и о Шукшине — его «трудов дело». Он автор статей о традиционной русской прозе, («которую у вас называют деревенской»), о произведениях Белова. Пробовал переводить «Привычное дело». Теперь страницу за страницей неторопливо и обстоятельно читает «Лад». Вынужден часто обращаться к словарю, но «книга стоит такой скрупулезности».

Для него появление очерков Белова о народной эстетике не было неожиданностью

— Он должен был написать такой труд. Такую работу. Достойную крупной ученой философской книге. Я ждал подобной дерзости. Я лично мало знаю в современной мировой литературе философских книг, как эта. Философия — не только сухой язык, сухая абстракция. Это способ жизни. Почему нельзя писать о сути, как Белов? Образно. Глубоко. И, главное, доступно. Можно так писать. Мелкому человеку — нельзя, крупному — можно. Крупный человек нужен. Конечно, зашифрованный философский манускрипт испечь легче. Прикрыть непонятными словами наготу мысли. Но такие книги кто читает? Кто испек, тот и читает. Он и его приятели. Более никого они не обогреют. И ваш Василий Иванович подает пример, как надо писать философские книги.

Есть и другой аспект. Василий Иванович ухватил в этой вещи движение культуры и в Европе, и отчасти в Америке. Нагнетание модернизма и процесс бездумного бунта, в Европе по крайней мере, отошли в прошлое. Остались какие-то островки прежних увлечений. Бывают отдельные курьезные факты. Но они не в счет. Европа сейчас обратилась к традициям, к прошлому, чтобы одухотворить современность, найти наилучший вариант *modus vivendi*,

перестать враждовать с природой, в том числе и с внутренней природой самого человека.

У нас в Англии у молодежи, в особенности у студенческой, сейчас повальное увлечение записями бесед со старшим поколением, со стариками И с деревенскими, и с городскими.

Прежде всего, конечно, записывают бабушек, дедушек и своих родителей. Записывают документально, с их слов. Для этого миллион причин! Первая — желание иметь идеалы, критерии истинности. Чтобы ответить на вопрос, правильно ли мы строим жизнь, надо соотнести свое бытие с бытием тех, кого мы сменили в этом мире. Вторая — никому не хочется быть жертвой серийности, массовой культуры. Своими воспоминаниями дедушка или бабушка помогают нащупать, где серийность, массовость не во вред, а где она для человека губительна. Помогают обрести чувство меры. И веру в себя.

Да, я запомнил о втором дыхании у нас народного искусства, народных промыслов. Например, чесучовые костюмы...

И я не выдержал, объявил восторженно Хоскингу:

- Знаю, знаю!
- От кого?
- От Белова.
- Вот как! Он у меня гостил...
- И это известно.
- Смотрите — мир тесен!
- Вы гот самый...
- Что значит «тот самый»?
- Джеффри...
- Я же представился?!
- Как я сразу не догадался! Василий Иванович о вас упоминал.

Мы оба ни с того ни с сего рассмеялись. Серьезные вроде люди посреди серьезного разговора!

— А ведь это я рассказал Василию Ивановичу о ручной обработке шерсти, — пояснил Хоскинг — Особенно развит традиционный шерстяной промысел на Шотландских островах в городах Керзи и Лавенхэм. Превосходные чесучовые костюмы! Хотя в моем гардеробе нет ни одного — я не могу себе этого позволить. Мой бюджет довольно скромен, а цены на них высоки. — У Джеффри Хоскинга появилась лукавинка в глазах: — У меня свой промысел.

- Собственный?
- Конечно. Теперь я вам скажу, на чем мы поближе сошлись с Беловым — на хлебе.
- На хлебе?..

— Я сам пеку хлеб для своей семьи. Чем не промысел? Хлеб из пекарен у нас неважный. На мой вкус — кислый. Поэтому, отчитав лекции в университете, я засучиваю рукава и спешу затворить тесто. А утром, пока дети еще спят, выпекаю хлебы. Считаю это делом мужским и жене не доверяю.

Василий Иванович провел в Колчестере, городе, где я живу, два дня. Ночевал в моем доме. Видел мои хлебные хлопоты. И мы вдоволь наговорились с ним о хлебе. Представьте себе: глубокий вечер, почти ночь, двое мужчин ув-

леченно беседуют, и предмет их беседы объединяет их чувством родства земляков, землян, людей, живущих землей. Белов, входя во все подробности, описывал, какой путь проходит у вас хлеб от поля до знаменитой русской печи. Мы сравнивали, делились рецептами выпечки. Ему, как я понял, тоже случалось вставать у квашни, превращаясь в хлебопека.

Спрашиваю Хоскинга о Колчестере.

— Типичный средний английский городок, где можно быть лично знакомым с большинством жителей. Мне это по душе. Такой городок не дает человеку возможности замыкаться в себе. Здесь неуместно отчуждение.

Мы брели с Беловым по шумным улочкам вдоль каменных изгородей Василий Иванович постоянно задавал мне вопросы: а вот это как? а это почему? Я как умел пояснял. Его уважение к нашей культуре рождало во мне ответное чувство. Я ощущал его действительный интерес к нашему народу.

Авторитет Белова рос в наших глазах час от часу. Во время выступления советской делегации в Эссекском университете наши студенты буквально замучили его вопросами Василий Иванович отвечал кратко, но основательно, толково. Студентам он полюбился. После встречи они подходили ко мне и говорили, что это — настоящий писатель, сразу видно. И я в этот момент гордился своими студентами. И, если честно, чуть-чуть собой, ведь я открыл для себя Белова намного раньше их. Понятно?

— О, да!..

— Я так волновался, когда узнал, что Белов едет в Англию. Боялся разочарований.

— В нем?

— В нем. Мне известно: писатель и человек не всегда одно и то же. Бывают люди, в которых писательское выше обычного человеческого. С такими лучше избегать личного общения. Проза Белова — одна из вершин современной мировой литературы. Я ждал...

— И...
— И нашел, что Белов такой же в жизни, как и в литературе. Как живет, так и пишет...

Писатель, «закрывшийся» от современности в своем кабинете, вряд ли нужен обществу. Он не является органом самосознания народа на сегодняшний день, поэтому и его отсутствия в литературе, если он вдруг решится на такое, никто не заметит.

Литература нуждалась и нуждается в художниках, могущих углубить в своих современниках и современницах золотой запас непреходящих социально-нравственных ценностей, благодаря которым человек твердо стоит на земле, то есть осязает в неизбывной любви к Родине, которое составляет суть жизни.

К таким художникам принадлежит и Василий Иванович Белов.

«Память формирует духовную крепость человека, — сказал он когда-то. — ...Беречь надо память. Для памяти и пишу».

Александр БРАГИН